

Есельсон Семён Борисович – член правления Европейской Федерации экзистенциальной терапии (FETE); президент Национального объединения экзистенциальных консультантов и терапевтов (НОЭКТ); руководитель экзистенциального направления (модальности) Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги (ОППЛ); руководитель совета Международного института экзистенциального консультирования (МИЭК); главный редактор международного журнала «Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия»; экзистенциальный консультант Единого реестра IPES ; автор многочисленных терапевтических сказок.

□

Оглядываясь назад, можно посмотреть на тот путь, который пройден. 20 лет – это значительный отрезок жизни. Он ознаменован разными событиями. Наталия Патлань предложила мне ответить на некоторые вопросы. Эти воспоминания и размышления составили данную статью.

Патлань Н.: Семён Борисович, расскажите, пожалуйста, какое событие Вашей жизни стало поворотным, в результате которого появился МИЭК?

- Изначально МИЭК не был проектом в привычном смысле этого слова. Скорее, он стал моей жизненной стезёй на определённом этапе жизни. Жизни бывают линейные – это когда всё идёт по прямой от события к событию (как восхождение у альпинистов), а бывают многосерийные, в которых в каждой следующей серии всё по-новому. У меня жизнь оказалась многосерийной.

В 1998 году окончилась очередная серия моей жизни. Эта серия знаменовалась тем, что меня занесло во власть и при этом я, как мне тогда казалось, был одним из немногих верующих православных людей в той властной среде, в которой я находился. Это, в

конце концов, и поставило меня перед выбором.

В тот год я занимался реализацией проекта создания отраслевого института, который как предполагалось, должен был проводить конкурсы программ выведения предприятий-банкротов из кризиса. Процедура создания таких программ и их конкурсов, должна была позволять выбирать из списка кандидатов-создателей программ, ту кандидатуру, которая наиболее подходит для назначения на должность антикризисного управляющего.

Мне тогда казалось, что я могу способствовать восстановлению промышленности страны, тем более, что среди моих друзей было много специалистов по проведению ОДИ – игр по выработке программ развития организаций. В конце 80-х ими проводились в стране такие игры, позволяющие назначать директором предприятия того человека, который сумеет выработать программу выведения предприятия из кризиса, победить в жесткой конкуренции с альтернативными программами и их разработчиками, сумеет убедить коллектив предприятия, что, идя за ним, они выйдут из кризиса. Эти ОДИ имел и тогда огромный успех.

Но проекту была поставлена цена – взятка, которую нужно было дать федеральному министру. На чашах весов, с одной стороны, лежало, как казалось мне, возможность поднятия из руин промышленности в России, с другой стороны – мое религиозное сознание. С волнующим меня вопросом «Что делать?» в сентябре 1998 года я ездил в Литву на группу Алексейчика Александра Ефимовича, где понял, что давать взятку не буду ни при каких условиях. Дальше всё было похоже на эпизод из кинофильма «Титаник»: у меня нет денег на билет, и я должен остаться на берегу. Я вернулся домой в Ростов-на-Дону. Множество моих хороших знакомых отчалили на «Титанике», а я остался на берегу. Всё нужно было начинать с нуля.

Тогда я видел для себя три занятия, три дороги.

Одна была связана с конфликтологией, вторая с подготовкой специалистов по диалогу культур (контактёры), и третья дорога была – пойти по пути Алексейчика Александра Ефимовича.

Много лет, чем бы я ни занимался, каждый год я приезжал в Вильнюс к Алексейчику Александру Ефимовичу. Были годы, когда мы несколько раз в год встречались. Пару раз я его приглашал в Ростов. Однажды в 1990 году я организовал его группу в Латвии в Елгаве. Пару раз он меня приглашал в Бишкек и в Будапешт. Я не осознавал себя тогда ни его учеником, ни клиентом. Но его группы для меня были единственным местом в жизни, которое я могу назвать местом мудрости. Это единственное место, где я мог размышлять о своей жизни и о жизни вообще. Наверное, встречи с Алексейчиком Александром Ефимовичем для меня были сродни тому, что в древних Афинах были встречи с Сократом.

И из этих трёх дорого я выбрал – пойти вслед за Алексейчиком Александром Ефимовичем. Меня укрепляло то, что мой коллега, с которым мы неоднократно встречались на семинарах Алексейчика – Римас Кочунас в 1996 году создал институт, который готовил специалистов, работающих в духе Александра Ефимовича. Во всяком случае, так я тогда понимал, в чём суть этого института. Укрепляло то, что уже есть пример.

Патлань Н.: Какой день можно считать днем рождения МИЭК? И как создавалась программа обучения миэковцев? На чём она основана?

28 марта 1999 года в Ростове-на-Дону был дан старт первой сессии МИЭК. В первый день я вёл занятие по логотерапии Виктора Франкла. Через некоторое время выяснилось, что повторить опыт Римаса Кочунаса не удастся.

Если к Римасу поступали в основном психологи и психотерапевты, имеющие опыт работы в разных направлениях, пришедшие осваивать ещё одно направление, то у нас в МИЭК пошли люди, испытывающие кризис самоопределения, ищущие как развязать сложные узлы своей жизни. Стало изначально понятно, что эти люди были небогаты, имеющие другие финансовые возможности, чем те, кто поступал в литовский

Институт гуманистической и экзистенциальной психологии (НЕРІ)

И программа МИЭК начала создаваться исходя из реальностей жизни.

В дальнейшем, по мере открытия отделений МИЭК в других городах и странах, программа всё время менялась, исходя из сложившихся ситуаций в той или иной группе.

Если в первые годы существования института у нас преподавало много академической профессуры, интересующейся экзистенциализмом, то далее прояснилось то, что для наших людей важно не слушать рассказы об экзистенциализме, философском или практическом, а видеть его проявление через преподавателей, со-участвуя в нём. Можно сказать, что жизнь выдвинула нам требования к образованию – оно должно было стать экзистенциальным.

И мы пошли по непроторенной дороге.

Для организации учебного процесса значимым тогда оказался древнегреческий миф о «раненом целителе», переданный мне когда-то Андреем Владимировичем Гнездиловым. Краткое содержание мифа таково: жил-был кентавр по имени Херон. Как и все кентавры, он был существом бессмертным. И у него был друг – Геракл, человек вполне смертный. Херон был оседлым, а Геракл – путешественником. Когда он возвращался из очередного странствия, то встречался с Хероном и рассказывал о самых своих ярких впечатлениях увиденного. Геракл был

хорошим рассказчиком, а Херон слушателем – на этом они, видимо, и сошлись. И вот

Геракл, возвратившись из очередного путешествия, рассказал, что встретился там с обитателями племени, которые наконечники стрел натирали ядом, оказывающим нервно-паралитическое действие. Достаточно было стреле попасть в любое место тела человека или животного – и дело было сделано. И показал стрелу с таким наконечником. Херон начал рассматривать стрелу и проводить пальцем по наконечнику. Геракл закричал: «Осторожно, не поцарапайся!». А Херон засмеялся: «Это ты должен бояться поцарапаться. А мне что, я же бессмертный!» И царапается.

Херон разболелся. У него болело всё. И ничего с этим нельзя было сделать. Ему невозможно было даже покончить с собой. И он очнулся. И начал искать. Искать, как он может, если не убрать, то хотя бы ослабить боли в том или ином месте тела. Он искал в мире вод. Пробовал, пробовал, пробовал и нашел минеральные воды. В мире трав, в мире кристаллов, в мире деревьев. И нашел. Много чего нашел. И тут он встретил больного умирающего мальчика-сироту. И он его вылечил. А потом усыновил. И передал ему всё, что обнаружил, что изобрел. Мальчика этого звали по-древнегречески Асклепий, по-древнеримски – Эскулап.

Этот мальчик, когда вырос, стал первым врачом.

Мораль сей истории такова – в основе европейской медицины лежит миф о «раненом целителе». Если врач сам не имеет опыт боления и исцеления, то ему лучше врачом не становиться.

И центральным в нашем образовательном процессе стала экзистенциальная терапия тех, кто сам желает стать экзистенциальным консультантом или терапевтом.

И те группы, которые у нас проводил Александр Ефимович в течение первых 15 лет нашего существования всегда имели название «Врач, исцелился сам».

Постепенно вырисовывалось то, что в подготовке экзистенциального терапевта не стоит смешивать его собственную терапию с передачей ему профессиональных знаний. Пока терапия не пройдена нечего и думать о профессионализации.

И подготовка экзистенциальных терапевтов стала двухуровневой. Первый уровень – 4 года только терапия.

Первые годы существования МИЭК знаменовались для меня тем, что я не очень верил в свои силы. МИЭК и созданный мною в 2002 году журнал «Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия» существовали для меня как некая волонтерская деятельность. Я тратил на них силы и время. Они самоокупались и только. Я не представлял себе - как я могу за счёт этой деятельности финансово обеспечить существование себя и своей семьи. Поэтому параллельно с институтом и журналом я продолжал подрабатывать на консалтинговых заказах, которые мне подбрасывали друзья из прошлого.

Гегель когда-то говорил, что всё новое вырастает незаметно, на обочине истории. У меня созревание уверенности происходило незаметно. Когда-то я снимал в Москве угол в квартире у хозяйки, у которой на полке стояли Жития Святых. Первое житие, которое я открыл – это было житие святого пророка Илии. Оно меня поразило своими неожиданными поворотами и тем, что святой оказался не рыцарем без страха и упрёка, не безгрешным, а человеком с огромным количеством, скажем так, проблем, - сумевшим в ходе жизни преодолеть себя, преобразиться.

Патлань Н.: Как рождались темы групп в МИЭКе?

В 2000 году проходил I Конгресс Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии в Бирштонасе (Литва), и я там решил провести семинар, на котором поделился своим открытием по поводу Ильи-пророка. Семинар превратился в группу. Группа удалась.

Мой отец потерял зрение, и я ему взялся читать Ветхий Завет. Отец оказался необыкновенно внимательным слушателем, заставлял меня некоторые места Священного Писания повторять и обращал моё внимание на то, что я упустил из виду. За счёт этого у меня появлялись открытия, которые бы я,

возможно, очень долго искал бы в богословских книгах. На основе каждого такого открытия появлялся семинар, неизменно превращающийся в группу. Так накапливался массив моих собственных малых групп по мотивам Житий Святых и Священного Писания.

Уверенность в себе, как в терапевте, приходила постепенно. У Чехова есть выражение: «чувство раба я выдавливал из себя по капле». Так и с моей неуверенностью в себе как в экзистенциальном терапевте. С годами незаметно моя неуверенность уходила. Были годы безденежья, отчаянья.

В 2005 году умер мой отец. И я, разбирая его бумаги сразу, сверху нашёл выписки из Эмерсона об огромном значении веры в себя, в свои силы, в свои возможности. И то, что если Бог с тобой, то кто против?

И МИЭК, и журнал я тащил на себе, как два хобби. Консалтинговые подработки я прекратил в 2004 году. С клиентов я не считал вправе брать большие гонорары. И был даже момент, когда я начал собираться уходить в священники.

Малые группы по Житиям Святых и по Священному Писанию я делал в основном на конференциях.

В это время в течение нескольких лет, удивительным образом, большинство клиентов, которые приходили ко мне в терапию, приходили с темой любви. И в работе с ними мне начало неизменно помогать открытие, ставшее результатом моего жизненного опыта. Это открытие - своеобразное прочтение Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла. Для меня стало ясным, что любовь – это то состояние взаимоотношений, которое может быть достигнуто, если они прошли испытания и что Апостол Павел называет 15 видов испытаний, достаточно пройти хотя бы одно из них...

Большие группы я не проводил с 1992 года. Это было связано со следующей ситуацией. В 1992 году мы с коллегой проводили тренинг на одном из предприятий. Заказчиком был его директор, который перед тренингом обрисовал такую ситуацию. Он много лет за собой тянул «воспитанника», когда он ещё был мастером, а этот парень рабочим. Сейчас этот парень зам. директора. Директор уходит на большое повышение и от него зависит – кого поставить себе на замену. Всякий раз, когда директор уезжал в отпуск или командировки и оставлял вместо себя этого человека, тот начинал барствовать, вести себя по-хамски, отношения в коллективе разлаживались.

Наш тренинг был для директора последней попыткой что-то донести до сознания своего «воспитанника», научить его руководить по-другому. Перед тренингом директор уже на 95% был уверен, что не будет предлагать его себе на замену. В ходе тренинга, который быстро превратился в экзистенциальную группу, этот человек вёл себя как без 5 минут шах и был абсолютно уверен в своём светлом начальственном будущем. А я всё время повторял фразу из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Почему Вы так уверены в будущем? А что, если Аннушка уже разлила масло?». Он тогда страшно сердился на меня, но ничего не менялось. Группа закончилась. А недели через две мне позвонила моя ко-терапевт и сказала, что ей сообщили из города, где мы проводили тренинг, что этот человек попал в страшную аварию и ему снесло голову. Я испугался сам себя, своих слов и с этого момента перестал проводить большие группы. Так прошло 14 лет.

В 2006 году в Ростов-на-Дону, в наш Институт приехал на сессию литовский терапевт Александрас Кучинскас проводить группу «Любовь», и я тогда взялся ему ассистировать. Обычно он проводил эти группы вдвоём с ко-терапевтом, но мы могли оплатить только одного терапевта, и я ему стал помогать. И в ходе работы я вдруг увидел, как можно эту группу провести через 15 испытаний любви по апостолу Павлу. Когда-то один раз А. Е. Алексейчик провёл апрельский семинар в Вильнюсе по Евангельским Блаженствам. И я вдохновился памятью о том, как это происходило, и предложил Александрасу вести группу в этом же духе, но по апостолу Павлу. Группа

получилась.

И с этого момента, как прорвало. Мне начали предлагать проводить эту группу из разных городов России и Украины. Период неверия в свои силы закончился. Я благодарен Александрасу, с помощью него закончился период моего 14-летнего «затворничества».

Патлань Н.: Почему каждое отделение МИЭК, вернее даже, каждая группа МИЭК, училась и учится по своей индивидуальной программе? И как МИЭК перешёл на двухуровневую систему образования?

В определённое время начали складываться отделения МИЭК в разных городах. Постепенно стало ясно, что не может быть одинаковой программы для разных групп людей. Знания, которые не соответствуют имеющемуся у человека опыту, не будут усваиваться, а если и будут восприниматься, то внешне, как косметика и при первом же случае облетит как сухая штукатурка.

Программа начала строиться в соответствии с ситуацией той или иной группы. Соответственно она стала различной в разных отделениях МИЭК и, более того, приобрела гибкость и всё время менялась.

С этого момента мы вошли в кардинальное противоречие как с той системой образования, которая в последние десятилетия строилась в странах постсоветского пространства, так и с общеевропейской тенденцией в образовании под названием «Болонский процесс».

Лет пять назад нам стало ясно, что неправильно соединять вместе образовательный и терапевтический процесс. И мы создали двухуровневую систему подготовки. Первый уровень – только терапия, а второй – для тех, кто после терапии решил профессионализироваться – профессиональный.

С декабря 1999 года в МИЭКе А. Е. Алексейчик проводил группу «Врач – исцели себя

сам!» - это было тогда скорее предвосхищение нашей системы образования. К 2015 году уже оформилось представление о

раздельном двухуровневом обучении, где сначала только терапия, а потом только профессионализация.

Основным лейтмотивом перестройки системы образования стал греческий миф о «раненом целителе», о котором я уже упоминал.

Последние пять лет жизни МИЭК прошли под флагом осознания и укрепления наших собственных концептуальных мировоззренческих основ, выхода на международную арену, укрепления международных связей, осознание своих изобретений и находок, имеющих широкий международный культурный смысл. Это сопровождалось одновременно появлением вопросов: «Кто мы?

Чем мы отличаемся от других?» Соответственно с формированием нашего Мы

В 2017 году А.Е.Алексейчик провёл для МИЭК группу под названием «Терапевтическое Мы» и у слушателей и выпускников института складываются три Ассоциации экзистенциальной терапии и консультирования: Российская, Украинская и Казахстанская. Наши выпускники начинают активно ездить на стажировки в клинику Александра Ефимовича Алексейчика в Вильнюс. Начало нами решаться задача «прописки» в «здании» мировой культуры Александра Ефимовича Алексейчика и изобретённого им направления ИТЖ.

В 2013 году в сети появилось утверждение, что нет никакой школы Александра Ефимовича Алексейчика. Оно возникло, когда в Вильнюсе создавался Европейский гуманитарный университет, и эта информация стала распространяться по сети Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии. Потом это утверждение развилось в тезис: есть общие европейские стандарты образования, а так называемые «школы» - это удел сект. На мой взгляд, это утверждение, продвигаемое европейскими и нашими чиновниками через так называемый Болонский процесс, разрывает с традицией европейской культуры и ведёт к уничтожению европейского образования как такового.

Ещё в 1987 году мне довелось слышать доклад замечательного киевского философа – методолога Алексея Павловича Зинченко о результатах его долгой работы в архивах Института истории естествознания и техники АН СССР. Он брал все имеющиеся материалы о жизни тех или иных выдающихся советских учёных в разных областях наук или выдающихся инженеров в разных областях инженерии, обнаружил без особого труда, кто из учёных оказал наибольшее влияние на их становление, на их творчество. Брал материалы об этих учёных – учителей, внимательно рассматривал их жизнь и нашёл фигуры их учителей. И так из поколения в поколение раскручивал историю назад и обнаружил, что всё начиналось в основном, во времена Петра

I
или Екатерины

II
. И, если пользоваться садоводческой терминологией, происходила пересадка саженцев – приглашение деятелей французской, германской, итальянской культур на выгодных для них условиях, жить и творить в России. У них появлялись ученики, среди них выделялись наиболее энергичные и способные. Потом у тех появлялись свои ученики. И так 200-250 лет. И появились выдающиеся школы советской физики, химии, биологии, мостостроительства, кораблестроения, сварки и т.д. да что говорить? Вся современная физика созревала совсем не в университетских аудиториях, а в школах-семинарах Эрнеста Резерфорда, Нильса Бора, Энрико Ферми, Петра Капицы и др.

На этих семинарах возникала невероятная атмосфера творчества и побуждение людей к творчеству. В этих школах молодые учёные начинали чувствовать свою силу, ценность, уверенность в себе, свой потенциал, так как пронизаны они были духом творчества.

И когда такое наше понимание школы было вынесено в пространство международной коммуникации, то у нас быстро стали появляться сторонники.

В 2015 году в Лондоне состоялся I Всемирный Конгресс по экзистенциальной терапии. Там мы столкнулись с тем, что образовался в нашей сфере что-то похожее на мир митрополий и колоний. Митрополиями были несколько коллег из разных стран, образовавших свои транснациональные корпорации.

Это были коллеги из США, Великобритании, Австрии, Швейцарии и их ученики со всего мира. Особняком стояла небольшая группа латиноамериканцев. Проявление нас в Лондоне происходило сложно, потому что не подразумевалось никакого диалога культур.

В течение 4-х лет нами вёлся сложный диалог с коллегами из разных стран. Во многом диалог стал возможен, так как я оказался в составе учредителей, а потом и в Правления Европейской Федерации экзистенциальной терапии (FETE). Результатом диалога стало:

Во-первых, появление главы в мировой энциклопедии «Экзистенциальная терапия в современном мире» (издана на английском языке, гл. редактор Эмми ван Дорцен, 2019 год) - о наших особых направлениях терапии, созданных Александром Ефимовичем Алексейчиком и Андреем Владимировичем Гнездиловым, и том, как мы эти направления продолжаем.

Во-вторых, появление на сайте II Всемирного Конгресса по экзистенциальной терапии в Буэнос Айресе по решению латиноамериканского Оргкомитета в галерее «интервью» с 21 экзистенциальным терапевтом современного мира – интервью с Александром Ефимовичем Алексейчиком и Гнездиловым со мною.

В-третьих, появление иностранных коллег в Вильнюсе на апрельских семинарах в клинике Александра Ефимовича Алексейчика.

В-четвёртых, в 2016 году появился на апрельском семинаре Александра Ефимовича Алексейчика руководитель Израильской ассоциации экзистенциальной терапии Гедеон Менда.

А в 2017 в клинике побывал бельгийский философский консультант.

В-пятых, в 2018 году на апрельском семинаре в Вильнюсе появился исполнительный директор Европейской Федерации экзистенциальной терапии Христиан Шульц (Германия), а также ученик и продолжатель дела Рональда Лэйнга – Брюс Скотт (Великобритания) и целая группа польских коллег.

В-шестых, впервые в истории в клинику на стажировку приехал шотландский психотерапевт Брюс Скотт (в феврале 2019 года).

В-седьмых, к Андрею Владимировичу Гнездилову в Санкт-Петербург из Дании приехали специалисты – перенимать опыт.

Это всё шаги «прописки» Александра Ефимовича Алексейчика и Андрея Владимировича Гнездилова в здании мировой культуры экзистенциальной терапии. Важным шагом в направлении «прописки» также стал выход впервые на английском языке в 2019 году усилиями нашей хорватской коллеги Анжелики Белолипецкой книга Александра Ефимовича Алексейчика «Психотерапия жизнью».

В этом процессе важным этапом стала наша подготовка и участие во II Международном Конгрессе по экзистенциальной терапии в Буэнос Айресе.

Конгресс стал Этапом в становлении нашего сообщества.

Во-первых, было признан сам факт нашего существования в качестве самостоятельного направления в экзистенциальной терапии.

Во-вторых, произошло признание мировым профессиональным сообществом нашего учителя Александра Ефимовича Алексейчика.

Если к концу 2017 года Президент Оргкомитета II Конгресса профессор Сюзанна Сигнорелли сообщала мне, что в списках Экзистенциальных институтов и сообществ, который ей послали наши европейские коллеги, нас просто не значилось, то уже после подачи к 31 декабря 2017 г. нами ей огромного числа предварительных заявок, отношение к нам изменилось - она начала к нам прислушиваться.

А когда в мае - июне 2018 года большое количество наших людей прислали заявки и аннотации своих мероприятий на участие во II Всемирном Конгрессе и оплатили организационный взнос, то Оргкомитет предложил Александру Ефимовичу Алексейчику возглавить один из Круглых столов. А Эмми ван Дорцен предложила мне стать одним из спикеров на мировых экзистенциальных дебатах по гендерным проблемам.

Даже при том, что многие из подававших заявки наших людей не смогли приехать на Конгресс, наша делегация оказалась много больше по числу сделанных докладов (15

докладов и 9 мастер-классов от наших слушателей выпускников и преподавателей из России, Украины и Франции), нежели делегации других экзистенциальных сообществ, присутствующих на постсоветском пространстве, да и делегаций экзистенциальных сообществ из разных европейских стран.

На воркшоп, который проводил Александр Ефимович Алексейчик пришёл ряд ведущих терапевтов современного мира, включая Эмми ван Дорцен (Великобритания), Кирк Шнайдер (США) и Эмилио Ромеро (Бразилия).

Отношение к нам складывалось совершенно иное, чем на I Всемирном Конгрессе по экзистенциальной терапии в Лондоне в 2015 г. Вопросы Александра Ефимовича Алексейчика к докладчикам рассматривались уже не как хулиганские или психопатологические, а как сократические, проблематизирующие. Все доклады и мастер-классы наших людей были приняты с воодушевлением, особенно латиноамериканскими коллегами. Каждое мероприятие наших людей сопровождалось успехом.

Знаменательный факт. Во время Конгресса состоялось заседание Правления Латиноамериканской Федерации экзистенциальной терапии (10 мая), представитель которой мне сказал, что они обсуждали, в том числе, наше ПРОЯВЛЕНИЕ на Конгрессе и очень высоко его оценили. А именно, все мероприятия, которые проводили на Конгрессе наши люди.

Доклады многих наших людей, оплативших организационный взнос, но не сумевших приехать на Конгресс, читали вместо них другие наши люди - дело небывалое для других делегаций, но уже становящееся нашей традицией.

На II Всемирном Конгрессе начался выстраиваться процесс диалога между нами и нашими иностранными коллегами и появляться взаимный интерес.

За последнее время удалось сформулировать философско-теоретические принципы, на которых строится экзистенциальная терапия МИЭК.

Эти принципы были представлены мною коллегам и на Европейском Конгрессе в Вене, и на Всероссийском - в Москве, и на II Всемирном Конгрессе в Буэнос Айресе.

Судя по реакциям, они действительно обрисовывают наше место в пространстве мировой культуры экзистенциальной терапии и дают почву для диалога с коллегами, придерживающихся других взглядов на экзистенциальную терапию.

Патлань Н.: На Аргентинском Конгрессе вырисовалось, что мир экзистенциальной терапии – не единый монолит, что есть много подходов, очень различных. Что Вы думаете по этому поводу?

Да, именно так. И на Конгрессе, по крайней мере, мероприятия наших двух человек, Дмитрия Омецинского и Владислава Бородулина были посвящены этому.

Я думаю, что предстоит строить диалог между разными направлениями. Это будет делать очень трудно, так как к диалогам не привыкли. Привыкли к тому, что «я единственный» и «я прав». В этом смысле Эмми ван Дорцен сделала огромное дело – инициировав создание энциклопедии «Экзистенциальная терапия в современном мире», где это различие видно.

Но, думаю, еще будет длительная инерция – сложно осознавать свою частичность, а не универсальность и строить равноправный диалог с другим частичным.

Патлань Н.: □ Наиболее часто за последние годы Вы проводите отборочную терапевтическую группу для поступающих в МИЭК на тему «Вызовы судьбы и наши ответы на них». □ Какие вызовы Вы видите стоящие перед МИЭК, на которые трудно будет отвечать, но придется искать ответ?

Я думаю, что это вызов психопатологии. Судя по Мишелю Фуко, исторически отношение к ней менялось и в ведение медицины психопатология

попала только в последние два с половиной столетия, да и то – только в европейской цивилизации.

Предстоит выработать своё отношение к безумию в целом и к его отдельным случаям, в частности. Соответственно, увидеть перспективу наших действий при встрече с ним.

Патлань Н.: И последний вопрос. В МИЭК часто используется работа с фильмами и с книгами. Можете назвать наиболее часто используемые в работе книги и фильмы?

□

Книги? Достоевский – «Идиот», «Братья Карамазовы», «Село Степанчиково и его обитатели»

Л.Толстой «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича», «Воскресение»

А.П. Чехов «Иванов» (пьеса-трагедия)

«Отец Арсений» (сборник воспоминаний, без указания автора)

Н.Федорова «Семья»

В.Шекспир «Король Лир»

Это то, что чаще всего.

Фильмы?

Мэл Гибсон «Апокалипсис»

Л.Шепитько «Восхождение»

А.Звягинцев «Возвращение»

О.Иоселиани «Жил певчий дрозд»

Но самый главный фильм уже много лет – «Ворошиловский стрелок»

Патлань Н.: □ Почему «Ворошиловский стрелок»?

□

Потому что чаще всего приходится встречаться с проблемами людей, появляющимися и развивающимися на фоне их незащищенности.

□